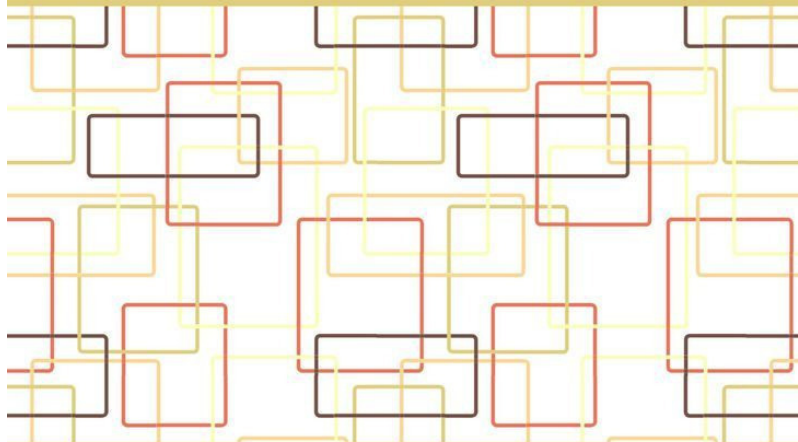


18+

С. В. ПОПОВ



ГОРОШИНЫ НА ПАРКЕТЕ

С. В. Попов

Горошины на паркете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50437167

ISBN 9785449817464

Аннотация

Предметная область для наблюдения автора – это, главным образом, Российское образование. Его проблемы преподносятся в виде зарисовок с натуры. И вы увидите всех героев, которые появились в воображении автора. Однако, не только педагогические проблемы волнуют автора. Именно поэтому название «Горошины на паркете» отражают ее разнообразное содержание, основной смысл которого представить все переживания, как сознательные, так и бессознательные, которые суть производные от первых.

Содержание

С. В. Попов	5
Память	7
О рае	16
Золотая рыбка	39
Об открытости мира	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Горошины на паркете

С. В. Попов

© С. В. Попов, 2020

ISBN 978-5-4498-1746-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С. В. Попов

ГОРОШИНЫ НА ПАРКЕТЕ

Введение

Русский интеллигент вечно в поиске ответа на вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». В последнее время мотивации прибавилось, и поиски стали энергичнее, т.к. виноватых на любой вкус и с удивительным постоянством демонстрируют нам все СМИ от либеральных до консервативных. Автору тоже захотелось найти свой ответ, увидеть его не в конкретных людях, а в явлениях, сопровождающих современные процессы. Эти явления суть отражения мировоззрений Российского народонаселения, и по убеждению автора носят объективный характер, не определяемый волей какого-то одного человека или небольшой группы. История объективна, и если происходят исторические процессы, то, чтобы их понять, надо искать объективную первопричину. Так и с нынешней Российской историей – для возникновения современных исторических событий существуют небольшое число первопричин, которые надо увидеть. А увидев, понять, что мы сами, как равноправные субъекты, составляем частицу причин, вызвавших те или иные процессы, которые нашли выражение в определенных событиях.

Предметная область книги, послужившая полем наблюде-

ния автора для формирования выводов, служит, главным образом, Российское образование, как наиболее близкая ему. Проблемы педагогики преподносятся в виде зарисовок с натуры. А уж натурального материала в наше динамичное время сколько угодно, надо только шире открыть глаза и оглядеться вокруг. Тогда вы увидите всех героев, которые появились в воображении автора.

Однако, не только педагогические проблемы волнуют автора. Именно поэтому книга названа «Горошины на паркетe», отражая ее разнообразное содержание, основной смысл которого представить все переживания, как сознательные, навеянные современным социумом, так и бессознательные, которые суть производные от первых. В книге нет ответов на интересующие автора вопросы, автор не партийный деятель и не трибун, призывающий к Задача книги в ином – вызвать желание задуматься: над собой, своей душой, нашей страной, и ее судьбой. От осознания причин (Кто виноват?) к реальному воплощению своих замыслов (Что делать?) автор так и не перешел. Наверное, потому что ему больше нравится мыслить, чем призывать и указывать.

Память

Удивительно душевное проявление – память. Чаще мы обращаемся к ней сознательно, когда хотим припомнить что-либо утилитарное. Вспомнили и пошли дальше. Даже не пошли, а побежали, потому что ныне, кто не бежит, тот просто стоит. Но есть еще один вид памяти, который не вызывается сознательно, и не связан с нашими прагматическими запросами. Он проявляется спонтанно, независимо от нашего сознания. Без всякого напряжения, память вдруг оживает, и ты начинаешь слышать, видеть и переживать то, что никак не относится к сиюминутному.

Приехав в новое место или посетив старые, казалось бы, давно забытые, вдруг как по мановению фокусника открывается канал в нечто далекое, давно не проявляющееся, но вдруг очень больно царапающее где-то там глубоко в душе. И ты погружаешься в эту бездну, чтобы узреть, давно забытое, быть может, забытое даже твоими предками, которые передали тебе это в виде родовой памяти. И теперь ты воссоздаешь это, хотя в обычных условиях никогда не сподобился бы на такой поступок. Тебя захватило, понесло, и теперь уже не ты управляешь своими воспоминаниями, а они, как на поводу, тянут тебя в неизвестность. Туда, про что ты знаешь только одно – оно существует. Но описать его не дано, это за гранью сознания. Потому что в момент проявления

эта память не осознается, ее моментальные образы не описываются вербально, они проявляются в виде переживаний: детских, юношеских, любовных, которые в обыденной жизни представляются несерьезными, не заслуживающими того, чтобы тратить на них усилия.

И вот ты стоишь посередине такого не знакомого двора, который лишь своими контурами напоминает тот двор, где прошло детство, и слышишь крики сверстников, которые вечно гоняют мяч, не желая уступать его другой команде. Или ощущаешь прикосновение руки соседской девочки, в которую ты, конечно, не влюблен, она соседская, и поэтому с ней у тебя приятельские отношения. Конечно, они не перерастут ни во что серьезное, кто же серьезно относится к соседским девчонкам, но это первый опыт, который открывает тебе глаза на вопрос полов. И что иногда прикосновение девичьей руки значит для тебя гораздо больше, чем признание твоих достижений сверстниками мальчишками.

Сейчас и двор не тот и ты не тот, но в том-то и дело, что на какое-то мгновение, которое неожиданно превращается в вечность, ты погружаешься в то прошлое, которое казалось полностью забытым, да и не нужным в жизненной суете. Но не так! Это кажущаяся забывчивость. Ты можешь забыть имена, даты, события. Но нельзя забыть себя самого, он в тебе вечно, вернее пока существуешь ты. И еще неизвестно, кто проявится там, за гранью жизни, либо ты в сегодняшнем виде, со всеми твоими житейскими, интеллектуальными

ми проблемами и душевными переживаниями, либо он, воспринимающий все искренне и не допускающий мысли, что в этом мире есть что-либо по-настоящему плохое. Он любит всех, и его любят все, и у него нет сомнений относительно того, что его семья, двор, класс, школа, мир – прекрасны и созданы для того, чтобы ему быть вечно счастливым.

В петле времени ты не отделим от прошлого, ты из него вышел, но ты его отрицаешь своим существованием здесь и сейчас. Жизнь гонит вперед, и в этом потоке событий нет места взгляду назад, быть может, из-за ложного чувства, что в прагматический век не место переживаниям, связанным с детскими воспоминаниями. Но это все на поверхности! В глубине, где сознание граничит с бессознательным, не применимы критерии обыденного мира. Там мы соприкасаемся с вечностью, как, например, вечность родового или национального бессознательного. Вечность, конечно, относительна, но в рамках отпущенного нам века – это вечность.

И перед тобой появляется тот мальчик, который был тогда тобой, а сейчас уже принадлежат вечности, в которой он существует, не зависимо от продолжительности твоей жизни, сколь бы длинна или коротка она ни была. Он уже перешагнул барьер сознательного бытия, превратившись для тебя в источник эмоций, который сам по себе есть целостность, доступная твоему сознанию. Но оно проникает туда не в результате волеизъявления, а захватываясь бессознательно, и не отпускается, пока не исчезнут чары очарования

прошлым. И до тебя внезапно доходит, что вечность населена именно такими образами, им нет числа, потому что они соединяются, трансформируются, превращаясь в нечто новое, хотя и оставаясь образами тебя, твоих ранних переживаний, устремлений, мыслей.

Неисчерпаемость твоих душевных проявлений и есть признак бесконечности души. Всей своей предыдущей жизнью ты взращивал эти образы, и сейчас они проявляются, чтобы дать тебе возможность прикоснуться к тому миру, который ты создавал, но который уже не зависим от тебя. Где, в каких уголках души ты хранишь это? То, что это душевные переживания, а не просто воспоминания в обыденном смысле, когда мы вспоминаем номер трамвая, чтобы проехать из точки А в точку Б, очевидно. В обычном состоянии мы не вызовем эти образы, как бы ни старались. Для этого нужен канал, по которому образы сами приходят и уходят. Этот канал и есть соединяющее звено между нашим сознанием и бессознательной душевной деятельностью. По нему мы соединяемся с бесконечностью, не выразимой сознательно, и поэтому не управляемой нашим сознанием.

Чтобы встретиться с самим собой, совершенно не обязательно посетить место, где остался след твоего прежнего пребывания. Это же может произойти, например, когда ты открываешь книгу, которая вдруг заставляет сопереживать герою, который пережил острые ощущения, оставившие след на всю твою жизнь. И он – это ты, это твои пережи-

вания нахлынули и увлекли тебя туда, где ты вовсе не рассчитывал оказаться. И вновь открывается канал в бессознательное, которое продуцирует вечные образы памяти, столь важные для тебя. Они вечны, суть душевные образы, которые не опишешь вербально (мысль изреченная есть ложь), и проявляются бессознательно. Ты не можешь выразить словами эти эмоции, ты стоишь как истукан, а они зреют, пока вдруг не прорвутся слезами, грустью, или светлой радостью от увиденного внутри себя. Ты не отделим от них, а они от тебя. Именно в эти моменты приходит ощущение целостности бытия, ты осознаешь непрерывность временного континуума вплоть до его отрицания. Времени нет, есть вечное существование, материальное, интеллектуальное, душевное. Какая разница! Вселенная – материальна и существует вечно, интеллект – образование почти материальное – вечен, душа – нематериальна, и тоже вечна.

Или, узрев какую-то черту лица, тебя захватывают ощущения твоей первой любви, когда ты еще не понимал, чего в этом больше – обожания или страсти. Но она была, и оставила в памяти образ, не внешний образ той девочки, а нечто целостное, невыразимое словами в силу бесконечности ощущений. Это не сон наяву. Это встреча с прежними душевными проявлениями, они уже ушли в вечность, во всяком случае, для тебя. Но уже никогда тебя не отпустят, являясь без спроса, по своей прихоти.

Но, если память дает нам возможность встретиться с веч-

ностью, которую мы не в состоянии описать детерминировано, в силу неизмеримой вариативности ее проявлений, то с необходимостью следует признать бесконечность хранилища этих образов, из которого они всплывают. И, разбираясь в этом уникальном душевном явлении, следует ответить на вопрос, как они сформировались? Если бы эти образы были проявлением только нашего сознания, то их можно было описать. Но описывать что-либо можно только отстранившись от него. А образы, которые проявляются как не контролируемые всплески памяти, не дают возможности отстраниться от них. Как только ты пытаешься это сделать, они тотчас пропадают и вместо них возникает нечто ущербное, что описываемо, но не соответствует душевному образованию, владевшему тобой мгновение назад. Даже более, оно не владело тобой, а ты сам и был этим душевным образованием, не отделимым от него ни на мгновение.

Этот как музыка! Если ты погружаешься в нее, то не можешь выразить словами то, что переживаешь. А если выражаешь, то это уже не музыка, которая увлекла тебя и тянет за собой, а ее препарирование. В музыке ты тоже встречаешься с бесконечностью душевных переживаний, впрочем, как и в стихах. Но только до тех пор, пока не начинаешь разбирать их на компоненты, чтобы установить, почему именно эта мелодия или рифма ввергли тебя в глубокие переживания.

Но сейчас мы говорим о нашей памяти, потому что встре-

чу с ней переживал каждый или почти каждый, а музыку или стихи пишет автор, черпая образы в самом себе. Это его опыт, переданный такими средствами, заставляет звучать наши душевные струны, и увидеть бесконечные душевные глубины. Поэтому образы, которые спонтанно продуцирует наша память, являются выражением бесконечности нашей души. Бесконечности не в смысле, что душа наполнена бесконечным множеством различных образов, которые может демонстрировать память, например, как это происходит во сне. Во сне образы проходят внешне, отстраненно, ты от них отстраняешься и поэтому можешь описать после пробуждения. Ты их видишь, а значит они вне тебя. Эта та же умственная деятельность, но она приняла такие необычные формы.

Спонтанные образы памяти, навязанные тебе в какой-то момент, – это совсем иное. Если их начинаешь описывать, то сразу же чувствуешь ущербность вербального механизма и недостаточную выразительность своего сознания. Эти образы принципиально не описываемые из-за неопределенности, размытости содержания. Содержание такого образа выражается эмоционально и принадлежит совсем иной плоскости человеческой души, нежели наша сознательная деятельность. Эти образы часть тебя самого, они возникли не в результате твоей сознательной деятельности, а явились плодом бессознательной душевной работы, когда твоя душа превратила осколки прежних, сильных впечатлений, переживаний,

радостей, обид в целостные образы. Чтобы в один прекрасный момент показать тебе тебя же, но не частично, как это происходит, когда ты видишь свою фотографию, а как содержание твоей души, не оставшееся в небытии, а существующее, чтобы проявиться сильным переживанием.

Но если душа способна продуцировать свое содержание, которое не поддается описанию, то, следовательно, не вся деятельность человека объяснима только как сознательная. Значит человек не только *homo sapiens*, но и человек *бесконечный* в своем обладании хранилищем душевных образов. Один только разум не делает человека способным воспринимать глубинные образы, не отделимые от него самого. Как только образ становится объектом сознательного разбирательства, он превращается в конечную конструкцию, т.к. с бесконечностью человеческое сознание не работает.

В результате мы приходим к тому, что образы памяти суть признаки наличия у человека душевных проявлений, которые невозможно отделить от самого человека для осознания и последующего обыденного описания. Но это говорит о наличии субстанции, которая включает нас как существо разумное, лишь как собственную часть. Наше сознание подчинено этой субстанции, и как только оно пытается описать присущие ей образы, тотчас превращается в неуклюжий инструмент с бедными выразительными возможностями. Более того, не сознание управляет этой субстанцией, а наоборот, оно выполняет второстепенные функ-

ции в попытке формализации и описания. А так как упомянутая субстанция не ограничена в генерациях образов, непосредственно связанных с собственными переживаниями, то можно представить ее как неисчерпаемое море, в котором плавают наше брэнное сознание, тщетно пытаюсь осознать каждую молекулу этого моря. А теперь смелый вывод – сознание рано или поздно исчезнет, но это море останется, т.к. исчезнуть может только конечное. Бесконечное исчезнуть не может, если причина исчезновения выразима конечными средствами. Отняв от бесконечности конечное, мы несколько не уменьшим его. Вот и доказательство бессмертия души, которая включает все бесконечные образования, формируемые людьми в земной жизни. Из чего с необходимостью следует существование Бога, который только и может распоряжаться бесконечностью, порождая или уничтожая ее. Вывод смелый, но представляется достоверным, если принять за объективное бесконечно глубокие по своему содержанию переживания, частью которых мы иногда становимся.

О рае

Не знаю, есть ли рай, и кто в него попадает, но скорее всего, есть и попадает в него те, кто сохранил в душе свое детство и не боится хранить эту частицу, трепетно общаясь с ней. Общение с детством – это как прикоснуться к истокам, которые после многотрудной жизни уже не имеют исходной прозрачности и наивности. Посмотрите на ручей, который течет из источника, где-нибудь из-под березы, или ивы. Понятное дело не из-под баобаба, как такое вообще может прийти в голову (отступление от темы)! Ручей не только прозрачен, он наивен и его назначение просто, если не сказать примитивно, – напоить, успокоить и усладить своим щебетаньем. Он течет и не знает, что впереди его ждет превращение в реку – работягу, которая будет добывать, переносить, возвращать, сопровождая это всеми житейскими радостями и огорчениями. И забудутся прекрасные мгновения детства, когда он собирал вокруг себя только восхищение путников, впрочем, как и самих путников, не стеснявшихся встать на колени и губами прикоснуться к истокам. Каким бы ни был путник, святой или злодей, гражданин или гражданка, а может быть даже господин, все в этот момент прикасаются не только к воде, но и к своему детству, когда они еще не впряглись в житейские оглобли, и порхают как ангелы, уверовав, что хотя Земля и стоит на трех китах, но крутится

она все-таки вокруг них.

Пройдет много лет, может быть и детство свое гражданин или гражданка будут вспоминать изредка, а некоторые и вовсе его не вспоминают. Но вдруг встретятся ему шумные первоклашки с огромными ранцами на спинах, и что-то пронзит его: а ведь это ангелы, которых он встретил здесь и сейчас как напоминание, что есть у него не только житейские оглобли, но и глубинное ощущение чего-то вечного, что очень близко расположено к раю, о котором любят рассуждать определенные слои социума, впрочем, сами к этому социуму относящиеся весьма опосредовано. Встанет он перед этой толпой и будет слушать щебетанье, восхищаясь сколь много им дано, что впоследствии исчезнет или останется флером, скрывающим нечто наивное, детское, но по своей чистоте и наивности вполне сравнимое с божьим откровением. Любовь к матери и материнская любовь, абсолютное доверие ко всему, что видится и слышится, убежденность, что все хорошие и нет плохих, за исключением Сашки Кузнецова, которого учительница ругает за непослушание на уроках. А все, кто приходит в гости делают это с единственной целью – выразить свою любовь к нему. Все это действительно божье откровение потому, что возникло ниоткуда и безо всякой причины, нет этому объяснения даже в самых толстых книгах. Впрочем, в книгах в своем большинстве вообще мало что объясняется. За исключением учебников по математике, где строятся доказательства, вызывающие восхищение

у самих математиков, а у остальных только недоумение: как можно всерьез воспринимать эту галиматью.

После этого появляется мысль, что дети – это ангелы, а свои крылья они носят в ранцах, именно потому ранцы такие большие, что ангельские крылья тоже не малы. Потом правда в ранце почему-то оказывается маршальский жезл, но это только у солдата. Да и то, если поковыряться, как следует, то рядом с жезлом найдутся остатки ангельских крыльев, которые перекочевали сюда из школьного ранца. И посланы ангелы на землю не в награду родителям, а как частица рая, которая должна напоминать всем, что рай есть, и его можно увидеть, вот он перед тобой. Его даже можно потрогать, когда ведешь своего перепачканного чернилами первоклассника домой, а он по дороге просит рассказать историю из твоего детства, т.е. из твоего рая. Начинаешь сочинять и ловишь себя на мысли, что тем самым открываешь свои истоки, которые почти пересохли. А сейчас ангел напомнил тебе, что река, которая трудится и взращивает, имеет и источник, способный напоить, очистить, успокоить. Т.е. вкусить райского блаженства.

Проходит совсем немного лет, и ты встречаешься со студентами – бывшими первоклассниками. И удивляешься, как мало в них ангельского, оно куда-то делось и покрылось ничемными привычками и стереотипами. Где, когда прозрачный ручей превратился в мутную лужу, в которой нет ни течения, ни жизни. Осталось только, как отголосок прежнего

взгляда широко открытых светящихся глаз, уверенность, что мир крутится вокруг тебя. И поэтому никаких усилий, чтобы это вращение продолжалось вечно, прикладывать не надо. Но эта уверенность быстро проходит, и наступают сумерки жизни, состоящие из нереализованных желаний, бесплотных мечтаний и возникших на этой почве комплексов.

Вывод: невозможно пребывать в раю, если не найдешь его в себе и не будешь постоянно пестовать!

Еще один взгляд на устройство компьютера

Введение. Нынешние дети начинают приобщаться к современным средствам обработки информации почти с младенчества. Как правило, этот процесс в младших классах проходит стихийно, без квалифицированного руководства. Что, к сожалению, приводит к потребительскому отношению детей к технике. Они смотрят на компьютеры, планшеты и прочие гаджеты как на данность для развлечения, насколько не задумываясь об их реальной ценности. Именно в этом кроются истоки клипового мышления, которое превращает людей в потребителей музыкальных картинок. Однако, компьютер – это целый мир, значительно расширяющий рамки человеческого сознания, хотя бы потому, что может в любой момент снабдить нас необходимыми знаниями. И не для развлечения, а для самосовершенствования.

Во многих школах, особенно с математическим уклоном, информатику начинают преподавать в младших клас-

сов. Однако, очень трудно рассказать младшему школьнику как устроен компьютер, когда он не имеет представления об электронике, процессоре, системах счисления, операционных системах и пр. Это вызовет у него, мягко выражаясь, затруднения. Изучение архитектуры современного компьютера вызывает затруднения даже у студента, что уж тут говорить о школьнике. Однако, это надо делать, т.к. на том же принципе устроены, например, системы управления роботами, которыми с таким увлечением повсеместно занимаются младшие школьники. Тем самым вместо потребления удовольствия у экрана гаджета школьник открывает новый мир со своими законами, которые можно познавать и использовать в интеллектуальных сферах. Если раньше младшие школьники строили модели из металлических конструкторов, то сейчас они вполне осваивают микропроцессоры, контроллеры, системы управления роботами и подобные устройства. И в этом школьнику нужна помощь, состоящая хотя бы в том, чтобы популярно изложить устройство гаджета, который он каждый день берет в руки.

Именно этому посвящена настоящая статья. В ней в сказочной форме описано устройство компьютера, что позволит ребенку с его образным мышлением представить, что же там происходит в этом загадочно устройстве. Добавлю, что автор использовал свой опыт преподавания информатики в младших классах, прибегая к сказочному изложению сложных вещей, и это вызывало неподдельный интерес детей.

Удивительное путешествие. Петя долго осваивал новую компьютерную игру, которую недавно качнул из Интернета. Нельзя сказать, что игра увлекала его, скорее по привычке ему хотелось пройти все уровни, чтобы узнать, что приключится с Принцем и удастся ли ему освободить Принцессу из лап могущественного Злодея. Дело близилось к развязке, похоже, что вот-вот должен был наступить решающий момент. Но, увы, Пете так и не удалось узнать, чем завершится игра, его голова все больше клонилась к столу. Наконец он положил ее на руки и заснул, утомленный борьбой Принца со Злодеем, за которой из башни наблюдала Принцесса.

Петя заснул и так как он полностью погрузился в сказочную игру, то и во сне очутился в сказке. Вначале он не понял, что это сказка, так как стоял посередине цветущего поля, а вдали был виден необыкновенно красивый домик. Петя никогда не видел такого удивительного домика: его стены были разукрашены большими цветами, ставенки были веселенького зеленого цвета, перед дверью было красное крыльцо, а на нем сидела симпатичная и похоже очень веселая девушка. Она выглядела старше Пети, была одета в цветной сарафан и держала в руках большую книгу с картинками. Весь ее вид внушал Пете уверенность в том, что если он заговорит с ней, то беседа окажется умной и полезной. «Позвольте представиться, меня зовут Петя, и я учусь в пятом классе 124-й московской школы», – сказал мальчик. Девушка внимательно посмотрела на него: «Очень приятно. А я

Клава. И уже не помню, когда закончила школу. Но моя школа была не хуже твоей, хотя где она находилась, сказать затрудняюсь». «Интересно -мелькнуло в голове Пети, – Такая с виду симпатичная девушка и не помнит, где ее школа». Он хотел выразить свое удивление, но тут его внимание привлекло ближайшее окно. Оно было рядом с входной дверью и не удивительно, что именно оно попало на глаза.

В окне, которое вначале было самым обыкновенным, вдруг пропал переплет, и оно превратилось как бы в сплошное стекло, по которому переливались цветные волны, вначале сверху вниз, потом справа налево, потом появилось знакомое слово *Windows*. А потом – Добро пожаловать. «Что это?!» – воскликнул Петя. «А, это? Обычный экран», – мимоходом заметила Клава.

– Как в доме может быть экран? – еще больше удивился Петя.

– Но разве не видишь, это необыкновенный дом! – возразила Клава.

И тут до Пети дошло, что дом действительно необыкновенный. Он был так необычен, что Петя вначале не сообразил, что его поразило. Его удивление еще больше увеличилось, когда он увидел, что в руках у Клавы вместо книги очутился моток пряжи, и нитки от этого мотка пропадали за дверь.

«Вот это чудеса!» – мелькнуло в голове мальчика. И так как он был любознательным, можно даже сказать, любопыт-

ным, он сказал: «Осмелюсь спросить, как это Вам удалось заменить книгу на этот необыкновенный пучок ниток?»

«О! Ну это очень просто. По этим ниткам я сейчас передаю сообщение, что у нас гость и надо его принять. Сам посмотри.» И она указала на окно, на котором только что было «Windows», а теперь появилось «Добро пожаловать!».

– Это нас приглашают? – спросил Петя.

– Не нас, а тебя! Мне входить в дом нельзя.

– Что же Вы все время сидите одна на этом крыльце? – удивился Петя.

– Почему же одна. У меня есть подруга – Мышь. Обращаю внимание, пишется с большой буквы. И мы с ней весело проводим время.

Действительно, рядом с Клавой возникла Мышь с веселой мордочкой, глазками-бусинками и длиннющим хвостом, конец которого тоже скрывался за дверью.

«Удивительная парочка!» – мелькнуло у Пети.

Клава подвинулась на крыльце, чтобы дать Пете пройти в дом, и сказала: «Тебя ждут, я сообщила о твоём приходе». «Когда и кому?» подумалось Пете, но спрашивать не стал, чтобы не выглядеть слишком любопытным. Вообще-то он был очень культурный мальчик, его бабушка – учительница литературы, привила ему приличные манеры, хотя папа часто говаривал, что в наше время мальчик с хорошими манерами выглядит «белой вороной». Петя иногда соглашался с ним, особенно когда пропускал вперед девочек из своего

класса. Они даже не замечали его манер, и больше обращали внимание на Толика, который занимался в футбольной секции, был шумным, толкался и ничего не смыслил в математике, считая, что без нее жизнь проще и понятнее. С ним соглашались все девочки и большинство мальчиков. Только Петя, да еще Игорь – его сосед по парте доставляли радость математичке Галине Ивановне, которую все школьники звали Гальванна.

Но сейчас Пете не надо было пропускать Клаву или Мышь вперед, и он отважно шагнул в открытую дверь. То, что он увидел, его поразило. Перед ним ровными рядами по восемь шагали маленькие мальчики, ростом не выше Петиного колена. Мальчики были похожи друг на друга как близняшки, и каждый держал в руках одну цифру 0 или 1. Петя пристроился к одной такой шеренге и полюбопытствовал у крайнего мальчика: «Позвольте спросить, как Вас зовут?». «Битик», – ответил мальчик. Нас всех здесь зовут Битиками, мы близнецы.

– Сколько вас? – спросил Петя.

– Никто не считал. Но очень много.

– А почему вы носите только 0 и-1 и ничего другого?

– Так мы устроены, и ничего другого делать не можем.

Тут Петя увидел, что некоторые битики начали быстро обмениваться своей ношей, те у которых были единицы, получили нули, а другие сменили нули на единицы.

– Почему это происходит? – спросил Петя.

– Это называется *вычислением*, и мы выполняем приказ Высшей Воли – ответил Битик, успев при этом три раза обменяться с соседями своей ношей.

– А почему вы все шагаете по восемь в ряд? – спросил Петя.

– Такой ряд называется байтиком и обращаю твое внимание, что крайний слева битик несёт флаг, на котором начертано имя байтика. Оно уникально для каждого байтика, повторяющихся имен нет.

Действительно каждый байтик имел свой флаг, эти флажки были разноцветными и на них были какие-то письма. Петя не особенно вник в эти надписи, т.к. в это время байтики вдруг начали перестроение: один байтик занимал место другого, затем переходил еще куда-то и, как казалось, это продолжалось бесконечно. Во всяком случае, Петя не видел места, где битики и байтики не двигались и не обменивались нулями и единицами.

Все это производило впечатление хорошо отрепетированного парада, когда каждый участник хорошо знал своё место и выполнял движения с грацией. Ритм движений всё убыстрялся, казалось, что быстрее невозможно, но он ускорялся и ускорялся. Петя уже не успевал за разговорчивым Битиком, который ему всё объяснял.

Вдруг всё замерло и в руках битиков появились одни нули. «Перезагрузка» – сказал ближайший к Пете Битик. Движение остановилось, но лишь на мгновение. Затем всё нача-

лось снова – обмен нулями и единицами, движения и пере-
строения байтиков.

«Что же это за Высшая Воля, которая вот так запросто всё запускает? – осталась одна мысль в Петиной голове: «Если я не пойму этой загадки, то будет очень обидно». Петя с трудом поспевал за Битиком, с серьезным видом несшим единицу, спрашивая его: «А где находится Высшая Воля?»

«Не знаю – ответил Битик, – Спроси у правофлангового».

Петя подошел к Битику с флагом и хотел его спросить, но тот стремительно умчался в неизвестном направлении. Казалось, что он жонглирует нулем и единицей с братьями. Так оно и было. Это напоминало жонглеров в цирке, но там их было два или три, а здесь битиков было несметное количество и всё они жонглировали друг с другом.

«Надо самому искать эту Высшую Волю», – подумал Петя и, и, пользуясь своим ростом, начал осматриваться вокруг. Везде, куда он смотрел, суетились битики и байтики, это была завораживающая картина. Они то рассыпались в разные стороны, то собирались к нескольким центрам, напоминающая узоры в калейдоскопе, или цветущее поле, качающееся под ветром. И беспрестанно происходило чередование нулей и единиц в руках битиков.

Петя поднялся на цыпочки, пытаясь взглянуть за горизонт, но у него ничего не получилось. Он лишь увидел узенькие тропинки, которые пронизывали всю поверхность поля. Битики не наступали на эти тропинки, хотя роились во мно-

жестве.

«Значит эти тропинки не для них», – подумал Петя, и смело шагнул на ближайшую.

Ему никто не мешал, и он быстро шёл по выбранной тропке. Но он не знал, куда он идет, и его беспокоила мысль, как вернуться назад на крыльцо, где сидела Клава. Но выбора у него не было, Он шёл прямо вперёд. Потом тропинка резко сменила направление. Пришлось и Пете свернуть, и тут он увидел одиноко стоящего Битика, с нулём в руках.

– Почему ты один? – спросил Петя.

– Меня потеряли мои братья, и я стою и жду перезагрузки. Тогда мы встретимся вновь.

– А кто будет делать перезагрузку? – поинтересовался Петя.

– Высшая Воля.

– Странно, все они упоминают Высшую Волю, но нигде ее не видно – подумал Петя – Надо обязательно узнать, что это такое. Вот интересно будет всем ребятам и Ольге Сергеевны (Ольга Сергеевна была классной руководительницей в Петинном классе), когда я им расскажу о своем путешествии. А мой сосед Игорь просто умрет от зависти. Он всегда хвалится, что он всезнайка, а других считает совсем неразвитыми. Правда, кроме Пети, для которого он делал снисхождение, и иногда признавал: «Друг мой! Да ты не совсем дремучий!»

Пете такие замечания Игоря казались обидными, но,

с другой стороны, даже Ольга Сергеевна признавала, что Игорь самый продвинутый ученик в классе. Конечно, была еще Лидка Жирнова, которая получала сплошь одни пятерки, но это касалось только школьной программы. В том, что касалось кругозора вне ее, она иногда была удивительно дремучей. Например, она не могла играть в шахматы, оправдываясь, что этому не учат в школе. И искренне верила, что Луна – это звезда, как и Солнце.

Петя стоял на тропе и эти мысли промелькнули у него скороговоркой. Потом возникло важное: «Надо выбираться отсюда, хотя неплохо было бы узнать, что это за Высшая Воля».

И он опять затопал по тропе. Хотя затопал это преувеличение. Он шел с осторожностью, потому что вокруг кишели битики и байтики, иногда замирая и получая нули. Петя уже знал, что это перезагрузка и что это дело Высшей Воли. И ему очень хотелось узнать, где она.

Теперь Петя уже не стеснялся спрашивать у битиков, что происходит и как найти Высшую Волю. Но ответ был один и тот же, никто не знал смысла происходящего, просто Высшая Воля заставляла битики совершать действия, которые Петя с интересом наблюдал. Битики участвовали в этом, казалось бы беспорядочном, но завораживающем параде, а Петя смиренно шёл по тропе, надеясь, что рано или поздно все разрешится и он узнает, где эта таинственная Высшая Воля.

И вдруг что-то щёлкнуло, вокруг все погасло и битики застыли в неестественных положениях.

«Что такое?» – забеспокоился Петя. Он подошёл и ближайшему битику, чтобы спросить, почему движение прекратилось, но тот, как и остальные не подавал признаков жизни. Даже нуль, который он держал в руках, выглядел каким-то безжизненным.

«Ничего я от него не добыюсь» – подумал Петя, и прибавил шаг, т.к. впереди он увидел слабое свечения.

Это свечение мерцало, иногда совсем пропадая, чтобы потом возникнуть. Петя боялся упустить его из виду и прибавил шаг. Но свечение становилось слабее и слабее и наконец, погасло. Петя оказался в полной темноте. Ни лучика света, ни единого шороха вокруг.

Не на шутку испугавшись, он остановился,. Идти было некуда. Сколько он стоял, он не помнил Он даже осознал, что давно не ел, и неплохо было бы перекусить. Но мамы, которая всегда интересовалась, не голоден ли он, рядом не было. И предложить пирожок с малиновым вареньем она не могла.

«Что же делать?» – подумал Петя. А внутренний голос произнес: «Я пропал». Слезы навернулись на глаза, очень жаль пропадать вот так в окружении этих смешных битиков, застывших в неестественных позах с нулями и единицами. И самому стоящему на узкой тропинке, на которой с трудом помещался.

Вдруг Петя ощутил, что тропка под ним дрогнула, потом раздался щелчок, появился свет, вначале слабый, а потом сильнее, и битики ожили. Опять вокруг началось движение,

но оно было не таким, как прежде. Петя обрадовался и понял, что жизнь продолжается. Он расправил плечи в полной уверенности, что справится со всеми трудностями, поднял свой взор и тут его глаза встретились с глазами необычного великана, сидевшего напротив в громадном кресле. У великана глаза были необыкновенной величины, казалось, он мог видеть все вокруг, и ни один битик не мог спрятаться от его пронзительного взгляда.

Вначале гигант поразил Петю тем, что как гора возвышался над битиками и был гораздо выше Пети. Но не это было самое удивительное. Поразительнее всего была его черная борода, столь густая и длинная, что производила впечатление шелковой материи, такая же блестящая и плотная. И глаза – эти глаза смотрели на Петю строго и вопрошающе. Но одновременно они смотрели и на битиков, и казалось, видели каждого из них, хотя их было очень много.

«Здравствуйте, меня зовут Петя» – представился мальчик, ведь он был очень воспитанным.

Великан не ответил, казалось, он внимательно наблюдает за парадом битиков. Петя подождал немного, а потом спросил: «Вы не знаете, где находится Главный Распорядитель всего этого?».

Великан перевел взгляд своих огромных черных глаз на Петю, долго и внимательно осматривал мальчика, а потом произнес:

– Я – Процессор.

И пояснил:

– Дядька Процессор. А эта мелюзга, – он кивнул на толпу битиков – пляшет потому, что я так велю. Но я не главный – главной тут Высшая Воля, которая приказывает мне».

И тут Петя заметил то, на что раньше не обращал внимания. Каждый волос бороды дядьки Процессора был присодинен к битику, опоясывая его наподобие пояса.

«Так вот как он управляет всеми. Он просто дергает за волосы и битики исполняют его желания. Но почему же он говорит, что он не главный? Да, странное место – Клава, Мышь, окна – экраны, битики, байтики, дядька Процессор и эта таинственная Высшая Воля».

– Простите меня великодушно – осмелел Петя – А как найти эту Высшую Волю. Мне ужасно хочется познакомиться».

Процессор удивленно взглянул на Петю: «Никто не видел ее и не знает, где она находится».

– Но Вы как-то понимаете, что она Вам приказывает? – спросил Петя.

– Имеющий уши, да услышит, – произнес дядька Процессор.

И Петя увидел, что действительно у дядьки Процессора были огромные уши, которые к тому же вращались в разные стороны, как антенны радиолокатора. Казалось, они могли уловить самый тихий шорох на дальнем конце этой удивительной страны. Петя застыл перед Процессором, кото-

рый занимался своей важной миссией —управлял движением битиков, заставляя их двигаться и обмениваться нулями и единицами.

«Позвольте откланяться» – произнес Петя, на что Процессор кратко сказал: «Валяй», и опять стал внимательно наблюдать за мельтешащими малютками-битиками. Пете не оставалось ничего, как двинуться по узенькой тропке, которая теперь вела его от Процессора. Человек-гора остался позади, а Петя прибавил шаг, надеясь, что если он и не найдет Высшую Волю, то дойдет до границы удивительной страны, и сможет оказаться там на крыльце вместе с Клавой и Мышью, откуда открывался вид на цветущее поле. Но, увы! Действительность не оправдала его ожидания. Тропа, на которой он стоял, начала петлять и он опять увидел Дядьку Процессора. Потом она вдруг стала ветвиться, и внутренний голос подсказывал Пете, чтобы он выбирал всегда правую тропку. Но сколько Петя не шел, а иногда просто брел, конца видно не было.

Внезапно впереди раздался голос: «Дорогу повелению Высшей Воли!» и показалась колонна битиков, которая стремительно приближалась к Пете. Они бежали по той же тропе, на которой стоял Петя, и было видно, что они очень торопились. Они еле разминулись, такая была узкая тропка. Петя с трудом успел остановить последнего битика и спросить:

– Сударь, откуда и куда вы так стремительно несетесь?

– О, не отрывайте меня от важного дела! Высшая Воля

послала нас с сообщением к Процессору, и если я отстану, то сообщение не будет передано.

– Но ведь вы несете нуль, – обратил внимание Петя, – Нуль – это ничего, он не несет никакой информации.

Битик с каким-то сожалением посмотрел на мальчика и сказал: «Вы очень заблуждаетесь, нуль вместе с остальными цифрами, которые уже унесли мои братья, составляет такую же часть сообщения, как и остальные символы. Тут важна последовательность нулей и единиц, так как именно она и образует смысл послания. Поэтому каждый символ стоит на единственно предназначенном ему месте. Но извините меня, я побежал».

И его маленькие ножки затопали по тропе.

«Вот так дела – подумал Петя, с каждой минутой ему становилось интереснее, – Во всяком случае теперь я знаю, в какой стороне находится повелитель всего этого». И он прибавил шаг.

К его удивлению его нагнала та же группа битиков, но теперь она возвращалась от Процессора. Сразу было заметно, что нули и единицы были в другом порядке.

«Понятно – сообразил Петя, – Теперь Процессор посылает сообщение Повелителю». И он ускорил шаг, чтобы поспеть за битиками. С трудом, но это ему удалось.

Спустя некоторое время тропка закончилась, и он очутился перед маленькой калиткой в веселеньком зеленом заборе. Как показалось Пете, за забором не было ничего опасного.

И он толкнул калитку. Не тут-то было, калитка была заперта, хотя мгновение назад в нее прошмыгнула целая толпа битников, и не было заметно, чтобы они открывали какой-то замок. Калитка сама открылась и пропустила их. Пете очень хотелось посмотреть, что там за забором, мелькнула даже мысль: «А не перелезть ли через забор?» Но Петя был культурным мальчиком и не привык проникать в чужой сад через забор. Что так нельзя делать он твердо усвоил, живя на даче с бабушкой.

Однажды соседский мальчик – его звали Тарас, перелез через забор дальнего дачного участка и свалился прямо под ноги огромного пса – Полкана. С этим псом каждое утро прогуливался хозяин, держа его на толстом поводке. И все ребята дачного поселка считали Полкана страшилой и рассказывали друг другу сколько плохих мальчишек Полкан съел. Петин папа даже рассказал, что хозяин Полкана специально дрессировал его, чтобы он ел мальчиков, которые плохо учатся и не слушают родителей. С тех пор, увидев Полкана, Петя прятался куда-нибудь в кусты и не вылезал до тех пор, пока тот не пройдет.

Тарас свалился прямо к ногам Полкана, который в это время лежал и грелся на солнышке. Увидев собаку, Тарас закрыл глаза, вообразив себя червячком, который сейчас уползет под землю. Это он уже потом рассказывал ребятам, когда эта история закончилась. Полкан, увидев перед собой непонятно откуда взявшегося мальчишку, несколько

опешил, но так как его недавно покормили, то есть Тараса не стал, а глядел на него, прищурившись, как бы вопрошая: «Ну что мне с тобой делать?». Тарас лежал не шевелясь. Полкан размышлял, не проявляя никакой агрессии. Потом, видимо, ему это надоело, он положил голову на лапы и закрыл глаза. Тарас понял, что сейчас Полкан есть его не будет, а оставит, вероятно, на обед или ужин. Поэтому он встал на четвереньки и двинулся к выходу. Полкан открыл один глаз, как бы утверждая, что такой мальчишка не заслуживает большего. А Тарас оказался на улице и с радостью осознал, что страшные клыки Полкана его миновали.

Внезапно калитка открылась и целая толпа битиков с нулями и единицами в руках пробежала мимо Пети. Теперь Петя не медлил, и успел заскочить в калитку, прежде чем она закрылась. Он очутился в саду с какими-то необыкновенными деревьями и цветами. Ухоженные тропинки вели в разных направлениях. Петя выбрал самую широкую и пошел по ней. Оказалось, что она вела в центр сада, где виднелась белая беседка. Петя подошел к ней и увидел, что в беседке сидела дама, которая всем своим видом очень располагала к себе. Перед ней на маленьком столике лежали мелко исписанные листки. Она их просматривала и что-то говорила битикам, которые сразу же куда-то убегали, схватив нули или единицы. Петя догадался, что эти битики бегали к дядьке Процессору, передавая ему распоряжения.

«Так вот какая она – Высшая Воля, – подумал Петя – Ка-

кие же приказания она посылает дядьке Процессору, и почему он, такой большой и грозный, ее слушается?»

Петя хотел было уже представиться, как дама, которая чем-то напоминала маму, повернулась к нему и произнесла: «А мы тебя ждали, Петя. Подойди поближе мы побеседуем».

– Но ведь Вы такая занятая, и мне неудобно отрывать Вас от дела – произнес Петя.

– Ничего, я смогу уделить тебе немного времени, тем более, что сейчас Процессор сильно занят вычислениями и не нуждается в моих командах.

– Так это Вы управляете всем этим движением, которое я видел там за забором. И Вас называют Высшая Воля?

– То, что я управляю всем движением, это правильно. Но это не простое движение, это вычисление, которое по моим командам делает Процессор. А то, что меня называют Высшая Воля, это преувеличение, я обычная Программа, которая создана для определенных вычислений. Так, например, я программа той игры, в которую ты играл прежде, чем попал сюда. Когда мои вычисления закончатся, придет другая Программа, и тогда она будет управлять Процессором.

– Как интересно все устроено – сказал Петя – и все это происходит в компьютере.

– Да, именно так работает компьютер. Он строчка за строчкой читает программу и передает управляющие команды процессору. И уже процессор управляет памятью компьютера, которая состоит из битиков, объединенных

по восемь в байтики. Байтики позволяют легко управлять памятью и вычислениями. Ведь ты видел, как обменивались битики нулями и единицами. Именно так происходит вычисление. Результат вычисления процессор пересылает сюда, где он учитывается программой и в зависимости от этого процессору посылаются новые команды.

– А кто же создает программы – поинтересовался Петя.

– Каждую программу пишет умный человек – программист. И чем программист опытнее, тем лучше получается программа и тем проще вычисления.

В это время к даме подбежали битики и стали что-то говорить ей.

– Очень хорошо, – сказала она – мои вычисления закончились. Сейчас придет другая программа и все начнется сначала.

– Только один вопрос, – заторопился Петя – А что это за тропинки, по которым Вы отсылаете команды процессору, и по которым Вам приходят результаты?

– Это провода, по которым передается информация с помощью электрических импульсов.

– Как интересно.

– Да это все очень интересно. И чтобы это познать, надо многому учиться и поменьше играть в компьютерные игры.

– Теперь я никогда не буду играть в эти глупые игры – решил про себя Петя.

– Давай я тебя провожу отсюда – сказала дама. Она взя-

ла Петю за руку и подвела к широким воротам, которые вели из сада. Как только Петя вышел, он оказался на крыльце волшебного домика, на котором прежде сидели Клава и Мышь. Теперь их не было, что немного разочаровало Петю. Он очень хотел поблагодарить Клаву за то, что она отправила его в чудесное путешествие.

Затем он окончательно проснулся и уже с совершенно новым чувством уважения посмотрел на компьютер. С тех пор Петя не играл в компьютерные игры. А потом выучился на программиста и стал писать очень полезные программы.

Золотая рыбка

Луч света пробился сквозь неплотно задвинутые шторы и упал на розовую щеку спящего Васи. Почувствовав это, Вася открыл глаза, похлопал ресницами, потом сбросил одеяло, резво вскочил и взял гантели. На кухне что-то вкусное готовила на завтрак мама, Вася слышал, как она напевала свою любимую арию из Чио-Чио-Сан. Он начал энергично делать упражнение с гантелями, надо было подготовиться к соревнованиям по армрестлингу. Сегодня ему опять придется схватиться в финале со своим лучшим другом Гарькой.

В комнату вошла мама.

– Готовишься к соревнованиям? – спросила она.

– Да, – пропыхтел Василий, выполняя трудное упражнение.

– Вы по-прежнему самые сильные и умные в классе, вопросительно, но и с интонацией уверенности произнесла мама.

– Нет, Лидка Жирнова, умнее. У нее сплошные пятерки, а у нас с Гарькой четверки попадают.

Чему-то улыбаясь, мама вышла из комнаты. Вася закончил разминку, ощущая, что теперь он полностью готов к соревнованиям и побежал в ванную. Он облился холодной водой, почистил зубы и пришел на кухню завтракать. На столе стояла тарелка с его любимой манной кашей, в середине та-

релки было небольшое озерцо клубничного варенья.

Какая это замечательная штука, манная каша с клубничным вареньем. – подумал Вася, воспринимая ее как заслуженную награду за выполненное домашнее задание, хорошую подготовку к соревнованиям и сюрприз, который он приготовил своей любимой учительнице.

И в этот момент зазвонил будильник.

Не совсем понимая, что происходит, Василий вновь захотел вернуться в последние счастливые мгновения, но сон уходил, и вместе с ним уходило ощущение счастья. Тут вошла мать и как всегда начала выгонять его из постели: «Вставай быстрее, в школу опоздаешь. Завтрак на столе, я побегу, а то мне опять нагорит от начальства».

Вставать не хотелось, потому что не хотелось в школу. Груз не сделанных домашних заданий, не выполненных обещаний и отложенных на непонятное потом дел придавил Василию к кровати так, что было трудно скинуть одеяло. Но тут перед его взором возникла Золотая Рыбка, которая энергично зашевелила плавниками, создавая впечатление, будто что-то пытается сказать Василию.

– Ну вот опять галлюцинация, – возникла мысль, – И когда это только кончится! Слово галлюцинация было иностранным, и смысл его объяснил ему самый большой умник в классе – Гарька, который, казалось, знал все. Он знал даже, что Солнце – это звезда, а не планета, чем однажды очень разозлил старшую воспитательницу, которая утверждала как

раз обратное.

Надо сказать, что когда Золотая Рыбка впервые возникла перед Василием, то он очень испугался и хотел рассказать матери. Но потом подумал, что мать его отругает, и решил подождать, руководствуясь принципом: Не чеши, само пройдет. Так всегда говорил отец, когда еще маленький Васятка прибежал с какими-нибудь жалобами. Но не проходило! Вначале Золотая Рыбка была большая и довольно-таки с симпатией смотрела на Васю, как будто пытаясь внушить ему, что жизнь прекрасна и надо только хорошо делать свое дело. Но по мере того, как Василий не откликался на ее призывы, она становилась меньше и вид у нее становился какой-то седлечный. Вот и сегодня, она уже не так энергично шевелила плавниками и уж совсем не весело смотрела своими все еще красивыми глазами.

– Однако, надо! – подумал Василий, и сполз с кровати. Золотая Рыбка сразу пропала. Нога за ногу он побрел в ванную, где сделал вид, что умылся и пошел на кухню. На столе стояла тарелка с кашей, которую Василий только ковырнул ложкой, и пошел собирать ранец. Нельзя сказать, что каша ему не нравилась, или не было аппетита, но уж очень тяжел был груз невыполненных обязательств и поход в школу представлялся полнейшей бессмыслицей.

Когда Василий вышел из подъезда, казалось тяжесть мыслей совсем придавила его, он сгорбился, голова поникла, плечи согнулись и он медленно побрел в школу. Немного

развлекла его авария на перекрестке, где красный Опель врезался в черный Джип. Из Опеля выскочила женщина, тоже во всем красном и с красным лицом и начала громко кричать что-то водителю Джипа, который как-то неуверенно топтался рядом. Слова, которые выкрикивала женщина и ее интонации Василию были хорошо знакомы, он их часто слышал дома. Но тут они его порадовали. У него даже плечи распрямились, и он стал как будто выше ростом. Да и ранец стал не таким тяжелым. Однако, все кончается даже приятное, приехала машина с полицией и женщина как-то внезапно смолкла. Василий пошел дальше.

На удивление сегодня он не опоздал, и вошел в класс вместе со звонком. Поплелся к своему месту, вытащил тетрадь и учебник и швырнул на стол.

– Ты домашку сделала? – спросил он у Зинки, своей соседки.

– Ой, нет, вчера весь день готовилась к соревнованиям, пришла домой и сразу упала в кровать, даже не ужинала, – зашебетала Зинка. Она имела первый разряд по спортивной гимнастике, и учителя прощали ей не сделанные задания.

– Ей-то хорошо! – подумалось Василию. Опять почему-то возникла Золотая Рыбка. На этот раз без особого энтузиазма пошевелила плавниками, посмотрела на Василия грустными глазами и пропала.

Ну и чего ты хочешь на этот раз? – подумал Василий, но ответа не получил. В это время в класс вошла Марьванна,

все встали. Школьники любили Марьванну и не потому, что она прощала не сделанные домашние задания, или терпела их шалости, нет в этом отношении Марьванна была строга. Они отвечали ей любовью на ее любовь к ним. Надо сказать, что Марьванна была классным руководителем класса и хорошо была знакома с семьями всех учеников. Она любила иногда без предупреждения прийти к кому-нибудь в гости, принести коробку с пирожными и за чаем поговорить о том, о сем. При этом она никогда не жаловалась на учеников и поэтому ее визит не вызывал у них чувства боязни. А пирожные Марьванна приносила всегда славные.

Кто не справился с домашним заданием? – спросила Марьванна. Она всегда начинала свои занятия с этого вопроса, и заранее знала ответ, лишь взглянув в класс.

– Что, Зина, опять соревнования, – спросила она, Надеюсь, что в этот раз ты получишь медаль?

– Да я уж постараюсь, Мария Ивановна, – ответила Зина. Она с облегчением выдохнула, т.к. не любила сама признаваться в не сделанных домашних заданиях.

На Ваську Марьванна взглянула лишь мельком, отметила его сгорбленную фигуру, понурый взгляд, тяжело вздохнула и поставила в журнал (карандашом) очередную двойку. Она жалела Васю, считая, что он не виноват в своих бедах. И защищала его на всех педагогических советах, когда другие учителя требовали от директора перевезти Василия Перепелкина в коррекционный класс. Часто она бывала и дома

у Василия, но проку от ее посещений не было. Ни мать Василия ни отец никак не могли взять в толк почему это учительница взывает к их родительским чувствам, а не берет повышенное обязательство вытащить их сына в ряды хорошистов. Сами они давно забыли свои школьные годы, вернее не забыли, а вытеснили из памяти, потому что никакой радости эти годы им не доставили.

Опять возникла Золотая Рыбка, какая-то понурая. Казалось, что она вот-вот заплачет. Василию стало еще горше от осознания своей никчемности здесь и сейчас. А в это время Гарька у доски рассказывал, какое интересное решение удалось найти для трудной задачи. Правда, сказал он, ему немного подсказал отец. Эту задачу никто и не думал задавать на дом, она была повышенной трудности, но Гарьке было все равно, он решал их все подряд, потому что твердо решил поступить в Университет. Лидка Жирнова, еще одна отличница в классе как-то с неприязнью посмотрела на Гарьку. Но успокоила себя тем, что задача не из домашнего задания и повеселела.

Марьванна сказала: Молодец Гарик! Ты сегодня выступишь на соревнованиях по армрестлингу? Кто же твой главный соперник?

– Петя Петушков из 9-го Б.

– Хороший мальчик, – сказала Марьванна – Думаю, что ты его победишь. У тебя сила воли большая.

Вот так и прошел весь день. Василия никто и не думал

спрашивать о чем-нибудь, зная, что это бесполезно. К концу дня Золотая рыбка появилась мельком, но уж очень она напоминала шпротину из банки, которая стояла в холодильнике. Так что Василий даже не придавал этому значению. Наверное, скоро отстанет, – мелькнула успокаивающая мысль.

На соревнования Васька не остался, ему завидно было смотреть, как побеждали другие мальчики, и какие радостные лица у них были после этого. Васька тоже был на двух тренировках по армрестлингу, но когда тренер погнал его в пятый раз залезть на канат, он понял, что это не для него. Другое дело футбол! Здесь можно потолкаться, особенно если играешь с младшими. Забрать мяч и гнать его перед собой, никому не давая пока не заколотишь в ворота. Но такое бывало редко, потому что мяч Василий не получал. Он не понимал тактики командной игры, как говорил тот же Гарька. Поэтому команда, в которой играл Васька, всегда проигрывала. А с Гарькой в одной команде Васьки играть не хотел.

Придя домой, Василий бросил ранец под стол, разогрел и быстро съел обед, который оставила ему мать, и начал смотреть детектив по телевизору. Там был умный сыщик и наглый бандит, который украл какую-то ценную картину и пытался сбыть ее за рубеж. Сыщик был пожилой, а бандит – молод и хорош собой. В чем-то симпатии Василия были на стороне бандита, потому что ему тоже хотелось получить все и сразу. Об этом мечтали его мать и отец, которые называли свою работу горбатиться, а зарплату – пособием

по безработице.

Однако фильм закончился с ожидаемым концом – бандита поймали, сыщик высказал все, что он о нем думает, но, похоже, бандита это не смутило, и он ушел в последних кадрах с высоко поднятой головой. Васька побежал во двор, куда уже высыпали почти все мальчишки их двора – затевался нешуточная футбольная встреча. Васька тоже должен был принять в ней участие. Сбегая по лестнице, он вновь увидел Золотую Рыбку, которая с укоризной посмотрела на него. Но теперь она определенно более походила на шпроту, и Василий понял, что больше она не появится. Какая-то грусть охватила его. Что ни говори, привык он к этой рыбине и, кажется, даже начал понимать, что она намеревается сказать. Но впечатление было мимолетным, открылась дверь подъезда, и Василий оказался на свободе. Ребята как раз делились на две команды, чтобы было по справедливости. Только Гарька сидел на лавке между двух тополей, уставившись в шахматную доску. Рядом лежал шахматный учебник. Он играл в футбол только, когда не был занят шахматами. Сейчас казалось, что он сам на шахматной доске вместе с фигурами. Ну чего тут говорить!

Ребята быстро приняли Василия, так как не хватало одного человека для ровного счета. Игра началась. Как всегда Васька больше бегал, чем играл, ему казалось, что настоящий футболист тот, который пробежит большее расстояние. Поэтому, даже если его ставили в защиту, он вылезал в напа-

дении и дурашливо гонял мяч, пока совсем не уставал и тогда он больше стоял, чем бегал.

Но в этот раз, когда мяч попал к нему, он остановил его рукой и, примерившись из всей силы ударил по нему. Мяч попал точно, шахматные фигуры разлетелись в стороны, доска как планер отлетела на несколько метров. В этот удар Васька вложил всю неприязнь подрастающего люмпена к интеллигенту.

Все стихли. Гарька был не только самым умным в классе, но и самым сильным во дворе, поэтому мог крепко наказать Ваську. Но он повел себя странно, поднял голову, внимательно посмотрел на Ваську, почему-то сказал: «Сам знаю» и пошел собирать фигуры. А Василий стоял обомлевший, потому что перед ним возникла Золотая Рыбка с сердитым взглядом и неподвижными плавниками. В ее взгляде не было ничего, кроме откровенной жалости к маленькому мальчику, судьба которого была ей ясна как никогда.

С воплем: «А-а-а!» Василий выбежал со двора и пропал. Никто не знал, куда делся мальчик. Волки задрать его не могли, какие уж тут волки в мегаполисе. Змей-Горыныч тоже утащить не мог, потому что в этот день его никто не видел не только в городе, но и вообще в стране. Под машину Васька не попадал, в сводках за сегодняшний день не значилось ни одного наезда. Просто пропал мальчишка. Впрочем, этого никто и не заметил, даже родители. Через год у них родилась дочь – Василиса и все началось с начала, опять она по-

пала к Марьванне, опять была Золотая Рыбка, и она не делала уроки, как и Васька. Единственное отличие – в футбол не играла.

Об открытости мира

Известно, что в изолированной системе энтропия не уменьшается. Так как не хотелось бы вводить ограничения *apriory*, то здесь под *системой* будем понимать все сущее в настоящий момент, что имеет продолжение в будущем. Так определенная система имеет вполне выразимые границы, ее можно полагать замкнутой. Естественно, что это относится к замкнутым системам, не включающих рефлексизирующих субъектов, т.к. в этом случае систему уже нельзя считать замкнутой. Рефлексизирующее сознание нарушает замкнутость системы, тем самым выходя за ее границы. И рефлексия нарушает эту замкнутость по нескольким направлениям, что связано с осознанием явлений, приводящем к ограничениям энтропии. Если рассуждать содержательно, то эти направления можно определить как *внешнее* и *внутреннее*.

Внешнее связано с осознанием явлений, происходящих вне человека. Наглядный пример – физика, на начальных этапах полностью экспериментальная (вспомним яблоко Ньютона), хотя появление теоретической физики превратило ее в науку умозрительную. Тем не менее, пищу для новых физических открытий до сих пор поставляют разнообразные эксперименты. В итоге физика находится на стадии, когда требуется не только увидеть и осознать явление, но и встроить его в существующую теорию. Развитие

цивилизации в настоящий момент полностью определяется попытками разомкнуть системы во вне, т.е. вне субъекта. Не особенно удачный пример – экономика, где происходят битвы и мелкие схватки не с целью выяснить истину, а для того, чтобы декларировать свой тезис в виде истины в последней инстанции. Хотя экспериментальные данные для всех экономистов одинаковые, выводы из них следуют диаметрально противоположные.

Внутреннее направление, в котором возможен разрыв системы – связано с познанием субъекта самого себя. В этом направлении из наук пока можно привести только психологию, которая делает безуспешные попытки непротиворечиво описать внутренний мир субъекта, но пока дальше *IQ* и *НЛП* не продвинулась. Строятся различные теории в попытке формализовать законы внутреннего мира субъекта, однако они все находятся на стадии описательной, но не открывающей. Ни один существующий психологический постулат не может быть безусловно принят, т.к. снабжен оговорками и уточнениями: в таком-то случае он не применим, а в таком-то не применим вовсе. Но еще больше число авторитетных заявлений о том, что соответствующая теория уже создана. Да, действительно, психологических школ несть числа, но это лишь декларирование своего мнения, которое активно оспаривают оппоненты. Так что попытка разомкнуть систему в этом направлении не имеет успехов, несмотря на огромные усилия сделать это.

Однако, есть еще один вектор, который указывает направление размыкания, который очевиден, но одновременно и находится под большим запретом, главным образом, в силу предрассудков. Это вектор, определяется такими терминами, как Бог, вера, любовь, искупление и пр. В данном случае я не обсуждаю вопросы веры или принадлежности к той или иной конфессии, это – внешние признаки, которыми характеризуются субъекты, причисляя себя к той или иной вере. Но это лишь констатация сиюминутного факта, не более того. А констатация не всегда влечет рефлекссию. На многих падали яблоки, но только Ньютон задумался, почему ему так не повезло. А может быть повезло, потому что на него свалился не арбуз. В точности так же констатация существования Бога необходимое, но не достаточное условие для осознания этого явления – Бога. А уж тем более, не получение из этого заключений, которые могут поднять веру до уровня науки. Не укладывается в сознании, что десять заповедей только и составляют всю мудрость, вытекающую из Божьего промысла.

Конечно, размыкание системы в этом направлении труднее, чем во внешнем. Зерно морковки на грядке, политое всегда прорастет и даст морковку. Однако, Бог, которого я сегодня ощущаю, и над этим явлением размышляю, завтра исчез, т.к. меня захватила мирская суета, и мне надо зарабатывать деньги, чтобы кормить семью, а не размышлять о высоком, выслушивая настоящую просьбу жены схо-

дить и принести добычу. Так что же – мирское и Божье находятся в противоречии? Не очень-то соответствует истине, если признать, что Бог создал нас по образу и подобию своему. А перед этим он создал все, что нас окружает, и чему мы так по-детски восторгаемся. Хотя одновременно в точности также по-детски восторгаемся, предавая все Божье в пользу новых игрушек, сотворенных уже человеком. Но мы отклонились от магистрального направления – попытки познания Бога, не ощущение Бога в себе, а именно познания.

Естественно, что провести представительный эксперимент в этом случае не удастся, по той причине, что сие тайна есть, но сформулировать свою позицию для этого исследования необходимо. И эта позиция не должна быть разъединительной, утверждая, что методы физики, математики или психологии тут не подходят в силу их очевидной целенаправленности и поэтому однобокости. Нельзя утверждать, что Платон был неправ, потому что стоял на идеалистических позициях, а учение Маркса верно во веки веков. Все, что окружает мыслящего субъекта, образует информационную сферу (ноосферу), для каждого уникальную, но в совокупности представляющая собой нечто завершенное хотя бы потенциально. Для грамотного человека эта сфера солиднее (не могу найти другого термина, не привлекая для описания математических терминов, от которых хотелось бы воздержаться), для малознающего и не имеющего привычки к рассуждению, ее границы – на расстоянии вытянутой ру-

ки, что компенсируется бездонными глубинами собственной психики. Ф. М. Достоевский показал нам эти глубины, однако, они не вызывают восторга и есть подозрение, что отношение Ф.М. к этим глубинам было несколько субъективное. Впрочем, идеализировать человека – тоже другая крайность, коммунисты весь свой недолгий век пытались создать нового человека, однако вышло совсем неожиданно – этот еще не завершённый новый человек скинул своих создателей.

Изучением упомянутой информационной сферы издревле занимались философы, породив большое число конфликтующих между собой школ и течений. В результате нет общего взгляда, и при таком подходе не возникнет, разве что придет он в качестве откровения, признанного всеми. Но и это тоже навряд ли, еще не было, чтобы откровения признавались всеми, кроме отдельного племени, безусловно доверявшего своему жрецу, шаману, лидеру. Откровение это предмет веры, а человек с развитым сознанием с трудом воспринимает то, что дается ему «на веру». Поэтому теория Большого взрыва заменила теорию Божьего создания Мира, но за шесть дней. Потому, что Большой взрыв – продукт размышления, а Божье творение – веры.

Интеллигент, особенно русский, который всегда и во всем сомневается, сразу же вопрошает, а как доказать, что предметы веры – истинны, и не заведут нас в болото отрицания всего умственного. И что же мы (интеллигенты) будем делать, оставшись без возможности размышлять над... Поду-

мать для интеллигента – это то же самое, что потрепаться для политика, сегодня интеллигент думает об одном, завтра о другом, как и политик сегодня убеждает в одном, завтра в другом. Вот оба и при деле! Однако, когда интеллигент начинает упорно думать об одном, то его называют консерватором и вычеркивают из списка. То же с политиком – когда он начинает говорить одни и те же истины (с его точки зрения), то говорят, что как политик он себя изжил.

Но мы отклонились, споткнувшись на слове откровение. Автору представляется, что откровение является тем самым, что служит импульсом, позволяющим разомкнуть систему. Обосновать тезис могу только на примерах. Поэт прежде, чем написать строфу, слышит ее в себе, то же музыкант. М. Булгаков вспоминал, что когда он писал Театральный роман, то все мизансцены возникали помимо его воли, и ему оставалось только их описать. То же говорил Моцарт – он только записывает ту музыку, которая ему слышится. Теперь посмотрим на ученых, которые открывают новое – в полнейшей уверенности, что этого нового не было до них. Ан нет! Оно существовало, т.к. пришло в голову в виде откровения. Вспомним Менделеева и его периодическую таблицу, которую он увидел во сне. Теперь посмотрите на исследователя, пытающегося поймать ускользающую мысль. Она ускользала вчера, позавчера и еще до этого. И чтобы ее поймать, он впадает в состояние почти транса и ждет. Нет гарантии, что мысль придет, но ведь и не просто

так он начал на нее охоту – перед этим тоже было несколько шагов, которые он прошел в результате откровения. И то, что он оказался на этой охоте за идеей – это тоже результат предыдущих трансовых состояний и как результат – осознанные идеи. Здесь используется слово транс, вместо вдохновения, обозначающее появление новых идей, рифм, музыкальных фраз и пр., казалось бы, ниоткуда. Вот их нет, а потом они уже есть и это свершившийся факт. И ради этого свершения и живут творцы. В чем-то они похожи на рыбака, который готов весь день провести, склонившись над удочкой ради смысла своего существования сегодня – маленького карасика, который даже и у кошки вызовет лишь вопрос: «И это все?». Платон, несколько упрощая ситуацию, говорил, что творец вспоминает идеи, которые существовали до него и представляют собой объективную данность.

Таким образом, мы начали подкрадываться к тому, чтобы сформулировать принципы познания Бога с выдвижения тезиса, что, так как все вокруг – это отражение Божественной мудрости, то и новые идеи – это его проявление. И это его непосредственное проявление, т.к. мы не можем рассматривать вдохновение как некоторое загадочное свойство нашего мозга, который вдруг формирует это в виде оформившейся мысли. Современные исследователи утверждают, что мозг – это конечная структура, базирующаяся на физико-химических принципах. В ней нейроны обмениваются сигналами двойственной природы. С одной стороны – это электри-

ческие импульсы, с другой химические реакции, протекающие в определенных местах. Но электрические импульсы – это движение электронов, а химические реакции – взаимодействие атомов. Следовательно, не оперируя более тонкими структурами, чем электрон и атомное ядро – мозг производит нечто, что не могут уловить современные приборы физиков, которые могут уловить свет свечи, зажжённой за орбитой Марса. Чушь какая-то получается! Значит мозг – это не только нейроны, собранные в лобные, височные и теменные области.

И тут, как представляется, невозможно обойтись без кардинально новой гипотезы, тем более, что ничем при этом не рискуем. Физиологи и психиатры все равно не откажутся от своих постулатов, поэтому новая гипотеза для них есть как симфония для глухого. Вроде бы она есть, т.к. не зря же дирижер машет руками, но с другой стороны, ее и нет, и никто не убедит глухого, что она есть.

Если мы ограничимся лишь атомарной структурой мозга и его процессы будем описывать в терминах колебаний атомов и электронов, то нет никакого субъекта. И тогда говорить о разомкнутости системы не приходится. Она так и останется замкнутой и в конце концов обречена на окончательный хаос. С трудом верится в подобную перспективу.

С точки зрения автора мозг – это открытая форточка в нашей замкнутой системе, которую мы не замечаем, признавая абсолютную ценность только наших опытов. Никто не гово-

рит, что на меня снизошло откровение, и я сформулировал эту идею. Скажут, что-то навроде: «В результате мозгового штурма (опытов на этом приборе, исследования химического вещества и пр.) было найдено это решение», стыдливо замалчивая возможности человеческого Ума, когда на него нисходит Божье откровение. И тем самым отрицается возможность исследования еще одного способа размыкания нашего замкнутого мира – изучая, как нисходит Божий промысел и что надо сделать, чтобы этот промысел снизошел именно на тебя и в нужное время. Конечно, нахально, но почему бы не помечтать!

Естественно, что рядом находятся молитва и медитация как один из способов установить непосредственную связь с Богом. Проблема только в том, что в одних случаях, действительно молитва и медитация приводит к результату (истины ради следует отметить, что чаще всего неожиданно, но впоследствии осознаваемому, как единственно возможному в тот момент), а в других – результат отсутствует. Что происходит с самим субъектом, если он запуская одни и те же процессы, получает разные результаты. С точки зрения атомистической теории этого не может быть, т.к. признание атомистичности субъекта всегда приводит к повторяемости опыта. С точки зрения изучения Божьего промысла только так и должно быть, в душевном эксперименте участвует не только субъект с его познанными и еще нет ресурсами, но и еще одна «заинтересованная» сторона – Бог. Субъ-

ект либо просто может быть не готов к принятию выспрашиваемой им благодати – и тогда благодати не будет, либо он *apriori* хотел получить откровение в удобной для себя форме. И не получилось, т.к. исполнение его желание приводит к нарушению целостности системы,

Для многих этот канал открывается спонтанно, без особой с их стороны претензии. Это непосредственное свойство их души – получать откровение, т.е. открывать канал во вне. Другие приоткрывают его в результате душевных усилий. И им необходимо тренировать себя, чтобы усилия по приоткрытию канала увенчались новыми откровениями. И тут мы приходим еще к одному пункту, который не можем игнорировать, потому что речь идет об открытии канала непосредственной связи с Богом. Выскажем тезис, что все откровения обязательно носят идеальный характер, т.е. являются чем-то идеально правильным. Если пытаться уточнить термин идеальное в этом контексте, то ничего не получится, т.к. эстетические критерии у всех различные. Однако, мы можем сформулировать параметр, который не вызывает сомнения и согласуется с нашим тезисом об идеальности откровения. Это то, что всякое откровение не должно противоречить уже полученным ранее, даже если пока они не подтверждаются экспериментально. Непротиворечивость откровений вытекает из фундаментальной теоремы математики: моделью обладают только не противоречивые системы аксиом. Иными словами, если некий тезис вступает в противоречие с уже

существующими и имеющими экспериментальное подтверждение, то такой тезис не может быть включен в систему ограничений. Этот тезис либо должен быть отброшен, либо трансформирован, чтобы его включение в общую систему не влекло противоречия. Когда несколько научных школ на одних экспериментальных данных строят противоположные теории, обосновывающие эти экспериментальные материалы, то понятно, что они не совместимы и не могут быть объединены в одну обобщающую теорию, наследующую позитивные качества обеих теорий. В этом случае хорошо помогает экстраполяция в рамках каждой теории, и получение следствий из них. Если следствия из теории не подтверждаются, то понятно, что она противоречива. Такая ситуация в настоящее время сложилась в Российской экономике, все отстаивают правильность своих позиций, основываясь на данных здесь и сейчас, и не пытаются экстраполировать выводы из своих теорий.

Но вернемся к Божьему откровению, про которое мы уже знаем, что оно должно быть идеальное и непротиворечивое. Но если откровение пришло, то вместе с ним приходит и ощущение его идеальности или наоборот. В математике такая ситуация проверяется очень просто – если удастся оформить доказательство, то откровение в той форме, которая его материализует – не влечет противоречия. Но прежде, чем исследователь приступает к доказательству, у него возникает внутреннее убеждение, что форма полученного от-

кровения не вызывает у него интуитивного отторжения или эмоционального дискомфорта. Для этого не надо проводить длительных экспериментов или строить доказательство. Как правило, вместе с откровением (озарением) приходит и ощущение его верности (пока только на содержательном уровне). В последующем нужна кропотливая работа сознания, чтобы привести инсайт к форме, с которой предстоит работать сознанию и которая является еще одним вкладом в описание ограничений энтропии системы.

Иллюстрация к З. Фрейду. О системе ценностей.

У Васеньки мама – Клава, а у Игорька – Лена. И это единственное несовпадение в нашей истории. А дальше – сплошные совпадения, конечно, в пределах разумного, т.е. отпущенного судьбой. Начнем с того, что Клава и Лена учились в одном классе и часто сиживали на одной парте. Обычно это бывало, когда учителя хотели, чтобы Лена взяла Клаву на буксир, например, по математике и литературе. Лена делала это с большой охотой, чем доставляла удовольствие Клаве, которая, пользуясь ее добротой, взваливала на Лену все домашние задания. Даже А. С. Пушкина Лена учила за Клаву и когда ту спрашивали про кота, который бродит по цепи, Лена ей подсказывала, вызывая тем самым неудовольствие учительницы. Но так как Лена любили поэзию, и читала стихи с непревзойденным мастерством, то после провинности в виде подсказки ее заставляли рассказать

не два столбца из «Руслана и Людмилы», а всю поэму, что она и делала к общему удовольствию учеников и учительницы. Клава в это время без особого восхищения слушала Лену, настойчиво обдумывая два вопроса: первый, не особенно важный: «И зачем учить такую фигню?», и второй, существенно важнее: «Если украсить школьную форму розовым бантом, то привлечет ли это внимание Толика из 9Б класса, (по которому сохли все девчонки 8А)».

Но школа закончилась, Клава вышла замуж за Толика, который стал тренером по кикбоксингу и вначале возвращался домой с синяками – неизбежным следствием соревнований, а потом стал приходить выпивши, когда перешел в тренеры. Но, тем не менее, Васенька родился крепким и здоровым. Лена закончила филфак Университета и собиралась поступать в аспирантуру. Игорек родился одновременно с Васенькой, в один и тот же день и в одном и том же родильном отделении. Правда, Васенька был крикливым, а Игорек, какой-то задумчивый. Даже врач обратила на это внимание, сказав, что Васенька будет депутатом Госдумы, а Игорек – писать ему речи. Но на это никто не обратил внимания, т.к. все были счастливы появлению детей.

Обе мамы гуляли вместе, правда Лена предпочитала сидеть под кустом сирени и читать, а Клава – пересказывать последние дворовые новости и сплетни государственного масштаба. Лена относилась к этому снисходительно, хотя это и отвлекало ее от любимого занятия. Она специализиро-

валась на современной американской литературе, обожала Фолкнера и тайком от семейства писала повесть о пионере, который спас колхозных коров на пожаре. Повесть продвигалась медленно, т.к. сюжетец был скудным, но Лена настойчиво вела дело к развязке, компенсируя недостатки темы художественными приемами.

Оба мальчика росли крепкими и здоровыми, с ними регулярно занимался Васин папа, чему отчаянно завидовали все ребята их двора. Оба увлекались спортом, правда Вася специализировался на боксе и футболе, а Игорька привлекали гимнастика и шахматы. Это расхождение не мешало им дружить, тем более, что они учились в одном классе. Родителей Васеньки очень радовало, что он рос крепким мальчишкой, в этом они видели свою основную заслугу. Поэтому Вася больше времени проводил во дворе, участвуя в мальчишеских играх, в то время как мама с удовольствием смотрела очередной сериал, над которым она иногда проливали слезу. Справедливости ради скажем, что делала она это все реже, даже ей эти герои казались какими-то неживыми. Правда иногда она сравнивала главного героя с Толиком и находила, что ему надо похудеть, чтобы, во-первых, походить на прежнего Толика из школы, а во-вторых, – на героя, который на горячем скакуне спасал свою возлюбленную из лап злодея. С некоторым разочарованием Клава находила, что Толя больше походил на сериального злодея. Но начинался новый сериал, и возникали новые мысли, которые у Клавы

напоминали сериальные диалоги.

Толя тоже не особенно озадачивался судьбой сына, Вася демонстрировал свои спортивные достижения, и Толе казалось этого достаточно, чтобы иметь в будущем кусок хлеба. Время показало, что Толя заблуждался, но сейчас сын был маленьким, но крепким, и поэтому представлялось, что этого вполне достаточно.

И то, что Вася не особенно хорошо, вернее совсем не хорошо учился, родителей не беспокоило. Основная мысль, которую они пытались вложить в его юные мозги, состояла в том, что каждый пробивает себе в жизни дорогу, и для этого надо иметь хорошие мышцы, твердый характер и крепкие кулаки. Тогда все будет, как ты захочешь. Под этим «все», в первую очередь, подразумевалось материальное благополучие. Васины родители не допускали мысли, что работа может быть чем-то иным, кроме средства зарабатывания денег. Сама Клава работала редко и крайне неохотно, предпочитая числиться домашней хозяйкой, обязанности которой – поддерживать дом в чистоте, а семейство – сытым. Это было очень удобно, т. к. Вася, вернувшись из школы, всегда находил на столе обед, а после этого мог распоряжаться своим временем, как хотел.

Правда иногда после очередного родительского собрания Клава жаловалась отцу, что Васеньку опять ругали, он не делает домашних заданий и с трудом выкарабкивается из двоек. Единственный кто его хвалил, – учитель физкультуры.

Вася играл в школьной футбольной команде, и регулярно участвовал в соревнованиях по кикбоксингу. После таких собраний Клава некоторое время пыталась проверять, как сын выполняет домашние задания, даже иногда помогала ему по математике или русскому языку, но эти предметы она уже благополучно забыла, и ее помощь была весьма относительная. Чтобы не уронить окончательно авторитет в глазах сына, после часа занятий, она говорила: «Ты, Васенька, походи, уже устал! Пойди погуляй, или сходи к Игорьку, он тебе поможет». После чего Вася убежал во двор, где его ждали товарищи, чтобы в очередной раз обыграть в футбол соседний двор.

Но что это мы все о Васе, да о Васе! Настало время поговорить о его друге Игоре, которого в отличие от Васи учителя только хвалили. Поэтому его мама, как женщина скромная и не любившая похвалы, даже перестала ходить на родительские собрания, чем вызывала неудовольствие школьного педагогического коллектива. Своим игнорированием собраний она срывала педколлективу план воспитательных мероприятий, т.к. учителя не могли в полной мере противопоставить слабых и сильных учеников, т.е. отделить зерна от плевел, козлиц от овец, мух от котлет и т. п. Тем более, что в нормативных документах, в изобилии рассылаемых НАРОБРАЗОМ, особое внимание уделялось тому, чтобы любыми способами повышать успеваемость школьников. И педагоги повышали всеми доступными средствами. При-

чем среди них были такие, о которых в приличном обществе не принято говорить. И противопоставление хорошего и плохого было приемом, который директор школы считал своим ноу-хау. Впрочем, в этом ему способствовали все учителя, тем более, что такое противопоставление было очевидным – в классе отличников и хорошистов можно было пересчитать по пальцам одной руки, в то время, как остальных, которые уверенно противопоставлялись этой великолепной пятерке, несть числа. И самое печальное – что отличники и хорошисты класса ощущали себя в этой среде белыми воронами. Правда за исключением Игоря, который был сознательным отличником, его жизненное кредо не позволяло ему быть кем-то иным, и сомнения в правильности тернистого пути светоча класса его не посещали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.